

ХРИСТИАНСТВО И НАЦИОНАЛИЗМ: ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ СОЮЗ*

Взаимосвязь таких понятий, как религия и национализм, сегодня часто воспринимается как сама собой разумеющаяся, но, как это ни удивительно, предметом теоретической рефлексии она стала сравнительно недавно. Одной из причин этого является убеждение, широко распространенное в академических исследованиях последних десятилетий XX в., согласно которому нации и национализм являлись неизбежным продуктом эпохи модерности, символизировавшей собой переход от традиционного общества, где религия играла главенствующую роль, к секуляризованному рациональному миру, где религия была отнесена преимущественно к частному пространству. Здесь не место подробно рассматривать основные концептуальные парадигмы в исследовании национализма¹, но для развития темы этой статьи важно отметить следующее.

Под национализмом обычно понимается такой тип политики, который считает источником идентичности «народ», являющийся носителем суверенитета, объектом лояльности и основанием

* Доклад на международной конференции «Религия и национализм», организованной ББИ (Москва, 13-14 декабря 2018 г.).

¹ Подробный критический обзор теорий национализма см. в книге: Umut Ozkirimli, *Theories of Nationalism: A Critical Introduction*, Macmillan International Higher Education, 2010.

коллективной солидарности.² Известные теоретики национализма 1980 – 1990 годов, придерживавшиеся парадигмы модернизма – Эрик Хобсбаум³, Эрнест Геллнер⁴, Бенедикт Андерсон⁵ и др., – рассматривали национализм в определенных временных и пространственных рамках, относя его возникновение к концу XVIII – началу XIX веков в Западной Европе и в США, т. е. как процесс, сопровождавший образование суверенных государств после французской и американской революций. Другими словами, национализм анализировался в рамках западоцентричного подхода; соответственно, под религией, изменении исторической роли которой стало одной из причин возникновения национализма, подразумевалось исключительно христианство. С точки зрения многих исследователей, национализм достиг своего апогея после двух мировых войн и затем стал постепенно давать дорогу новым социальным процессам, выводящим за рамки национальных государств. В соответствии с парадигмой модернизма предполагается, что

нации и национализм внутренне присущи самой природе современного мира и революциям новейшего времени. Классический модернизм решительно выступил против свойственных прежним представлениям натурализма и эссенциализма, против уверенности в том, что нации являются элементами природы, существовавшими от века, против идеи о том, что человек обладает национальностью так же, как он обладает глазами и речью⁶.

Вышеперечисленные авторы придерживались убеждения в том, что нации как естественные для модерности формы организации

² См.: Liah Greenfeld, *Nationalism: Five Roads to Modernity*, Harvard University Press, 1992, p. 2 (рус. пер.: Лия Гринфельд, *Национализм. Пять путей к современности*, М., 2008).

³ См.: Эрик Хобсбаум, *Нации и национализм после 1780 года*, СПб: Алетейя, 1998 (оригинальное издание: Eric J. Hobsbawm, *Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality*, Cambridge: Cambridge University Press, 1990).

⁴ См.: Эрнест Геллнер, *Нации и национализм*, М.: Прогресс, 1991 (оригинальное издание: Ernest Gellner, *Nations and nationalism*, Oxford, Blackwell, 1983).

⁵ См.: Бенедикт Андерсон, *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*, М.: Канон-Пресс-Ц, 2001 (оригинальное издание: Benedict Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London: Verso, 1983).

⁶ Энтони Смит, *Национализм и модернизм*, М.: Праксис, 2004, с. 51 (оригинальное издание: Anthony D. Smith, *Nationalism and Modernism*, Routledge, 1998).

социальной жизни непосредственным образом связаны с конкретными территориями и существующими на них политическими образованиями в форме унитарных «национальных государств». Нации основаны на политической связанности людей, а все другие виды связей – семейные, классовые и религиозные – являются подчиненными относительно лояльности граждан своему национальному государству. Главную роль в формировании национальной идентичности играли язык, печатные средства информации и образование, тогда как роль религии, отнесенной к сфере частной жизни, интерпретировалась главным образом как инструментальная, ведь религия, по словам Эрика Хобсбаума, – «это старый испытанный способ, позволяющий через общую обрядовую практику и своеобразное братское чувство соединить людей»⁷. Национализм рассматривался как в определенной степени субститут семейной, соседской и религиозной общины, естественная реакция людей, утративших привычный уклад жизни и нуждающихся в принадлежности к надежному обществу, которым оказывается трансисторическая нация⁸.

Эрик Хобсбаум, рассматривавший национализм преимущественно с точки зрения его политического содержания⁹, полагал, что нация – это социальная конструкция, состоящая главным образом из «изобретенных традиций» (*invented traditions*), которые представляют собой «совокупность практик, как правило ограниченных открыто или молчаливо признанными правилами ритуального или символического характера, направленных на привитие определенных ценностей и норм поведения путем повторения, которое автоматически подразумевает преемственность с прошлым»¹⁰. Это обращение к прошлому в значительной степени является ответом «на новые обстоятельства, которые принимают форму обращения к прежним обстоятельствам»¹¹.

Эрнест Геллнер в своих исследованиях упоминал о важности религии в формировании национализма, однако полагал, что ее влияние ослабевает по мере индустриального развития и подчинения

⁷ Эрик Хобсбаум, *Нации и национализм после 1780 года*, с. 109.

⁸ Там же, с. 186.

⁹ Там же.

¹⁰ Eric Hobsbawm, and Terence Ranger (eds.), *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press, 1983, p. 1.

¹¹ *Ibid.*, p. 2.

религиозных организаций государству в процессе формирования гомогенной национальной культуры. Геллнер не отрицал, что религия протестантского типа сыграла важную роль в ходе возникновения национальных государств благодаря переводам Библии на местные языки, тем не менее он рассматривал протестантизм и национализм как два отдельных процесса, поскольку национализм возник в секулярную эру:

Националисты любят свою культуру потому, что они любят свою культуру, а не потому, что это есть идиома их веры. Они могут ценить свою веру, потому что она предположительно является выражением их национальной культуры или характера, или они могут быть благодарны церкви за поддержание национального языка, который иначе мог исчезнуть из публичной жизни; но, в конце концов, они ценят религию за помощь сообществу, а не саму по себе¹².

В свою очередь, Бенедикт Андерсон, исследовавший национализм через призму социально-культурных факторов, придавал большее значение субъективным аспектам, поскольку нация как «воображаемое сообщество» своих членов подразумевает, что они сохраняют в умах образ своей общности. Кроме того, по мысли Андерсона, поскольку в Западной Европе XVIII века имели место не только «восхождение эпохи национализма, но и закат религиозных способов мышления»¹³, национализм, откликаясь на потребность людей в идее спасения, создал собственную версию сотериологии: «Если что и требовалось в то время, так это секулярная трансформация фатальности в преемственность, а случайности – в смысл... Мало что было (и остается до сих пор) более подходящим для этой цели, чем идея нации»¹⁴.

В целом авторы, придерживающиеся модернистской версии национализма, несмотря на существенные концептуальные различия, сходятся в главном тезисе: национализм – это продукт преимущественно секулярного мира, возникающий в эпоху утраты религией своего социального значения и превращения в значительной степени в атрибут частного пространства. Тем не менее это не исключает использование национализмом религиозной (или квази-

¹² Ernest Gellner, *Nationalism*, London: Weidenfeld & Nicolson, 1997, p. 77.

¹³ Бенедикт Андерсон, *Воображаемые сообщества*, с. 35.

¹⁴ Там же.

религиозной) символики для подтверждения идентичности и укрепления лояльности.

Еще одно направление в исследованиях национализма – этно-символизм (Джон Армстронг, Энтони Д. Смит), возникший на почве критики модернистской парадигмы, – в большей степени обращал внимание на роль религии в становлении наций и национальных государств и в формировании национальной идентичности. Энтони Смит полагал, что основа для национализма возникла в предродную эпоху и утверждал, что «национализм ... лучше всего рассматривать как форму культуры и тип системы убеждений, чьим объектом является нация, понимаемая как священная общность»¹⁵. Подход этно-символизма заключается в исследовании роли мифов, символов, памяти, ценностей и традиций в формировании и поддержании этничности и национализма; следовательно, возникновение современных наций нельзя правильно понять без обращения к их этническим корням¹⁶. Национализм, в свою очередь, можно определить как «религию народа» (*religion of the people*)¹⁷.

Среди многих интеллектуальных традиций, оказавших влияние на этно-символизм и некоторые другие концепции национализма, важную роль играет наследие Э. Дюркгейма (главным образом, его книга «Элементарные формы религиозной жизни»). Хотя Дюркгейм не рассматривал национализм специально, тем не менее в его трудах присутствует идея нации как моральной общности, основой которой является религия как постоянное содержание социальной жизни, выраженное в символах и коллективных ритуалах. В современных исследованиях национализма этот подход особенно проявился в концепции национализма как религии (или «гражданско-религиозного национализма»¹⁸), восходящих к идее Карлтона Хейса¹⁹ о религиозном смысле национализма, высказанной еще в 1920-х годах. В этом же русле возникла концепция «гражданской

¹⁵ Anthony D. Smith, *Chosen Peoples*, Oxford: Oxford University Press, 2003, p. 254.

¹⁶ См.: Anthony D. Smith, *Ethno-Symbolism and Nationalism: a Cultural Approach*, Routledge, 2009.

¹⁷ Anthony D. Smith, *Chosen Peoples*, p. 42.

¹⁸ См.: J. Christopher Soper, Joel S. Fetzer, *Religion and Nationalism in Global Perspective*, Cambridge University Press, 2018, p. 9.

¹⁹ См.: Carlton Hayes, *Essays of Nationalism*, New York, The MacMillan Company, 1926.

религии» Роберта Беллы²⁰ – секулярной идеологии, выполняющей по отношению к индивидам и социальным группам те же функции, что и традиционная религия, а именно функции образования смысловой трансцендентной рамки лояльности и морального порядка в национальных государствах. Концепция Беллы была разработана применительно к США, ее адаптируемость к другим странам является предметом дискуссий, тем не менее она часто упоминается при анализе того, каким образом национализм и этничность в каждом конкретном случае вплетаются в конфессиональную веру.

Некоторые авторы, исследовавшие национализм в 1980 – 1990 годах, рассматривали его в тесной связи с религией, под которой подразумевалось не только христианство, что было связано с процессом деколонизации и возникновением новых национальных государств. Например, Марк Юргенсмайер проводил различие между вновь возникшими религиозными национализмами на Ближнем Востоке, Юго-Восточной и Центральной Азии и Восточной Европе и светским государственным национализмом на Западе. Рассматривая политическую роль религии в современных государствах, он доказывал, что этот союз вполне способен адаптировать демократические ценности и идеологию защиты прав человека, а также подчеркивал значение вновь возникшего религиозного национализма как способа мотивации лояльности граждан и ответственности государства за поддержание духовных и религиозных корней нации²¹. Юргенсмайер рассматривал возникновение религиозного национализма в регионах за пределами западного мира как реакцию на стремление Запада навязать другим странам свою модель национального государства не только вместе с присущими ему светскими ценностями, но и с соответствующими пороками. В целом, как об этом пишет Энтони Смит, предложенный Юргенсмайером обзор религиозных национализмов «обнаруживает чрезвычайную устойчивость этого союза между религией и национализмом с их совместным требованием массового самопожертвования и возможностью дать своим сторонникам своеобразную двойную гарантию выживания – в потомстве и в загробном мире»²².

²⁰ См.: Robert Bellah, «Civil Religion in America», in *Daedalus*, 1967, 96 (1).

²¹ См.: Mark Juergensmeyer, *The New Cold War? Religious Nationalism Confronts the Secular State*, University of California Press, 1993, p. 7.

²² Энтони Смит, *Национализм и модернизм*, с. 262.

Итак, согласно классической модернистской парадигме, национализм возник в эпоху модерности, одной из главных черт которой являлась секуляризация. Исследователи, придерживавшиеся этой парадигмы, полагали, что национализм перенял у религии, под которой подразумевается христианство, многие важные функции: «способность объединять большие группы людей на почве единой идеологии, тесные взаимоотношения с правящими классами и, в случае протестантизма, поощрение распространения литературы на родном языке»²³. В результате религиозные конфессии стали союзниками вновь образовавшихся национальных государств, а их граждане постепенно изменили способ своей идентичности с профессионального на национальный.

В то же время в последние десятилетия XX века возникла иная концепция происхождения национализма, согласно которой не существовало резкой границы между традиционным предмодерным обществом и светской модерностью; соответственно, национализм возникал в процессе постепенной трансформации христианских образов и символов и перевода их на светский язык. Адриан Гастингс полагал, что

нация, этничность, национализм и религия – это четыре определенных и определяющих элемента европейской и мировой истории. Ни историк, ни политик, желающий понять суть современного общества, не может беспрепятственно преуменьшать значение ни одного из них. Более того, эти четыре элемента настолько тесно связаны, что невозможно ... адекватно написать историю какого-либо из них без, по крайней мере, некоторой дискуссии об остальных трех²⁴.

В противовес Э. Хобсбауму и другим модернистам Гастингс относил происхождение наций и национализма к периоду формирования средневековых обществ и считал литературу, язык и в особенности переводы Библии на национальные языки в западноевропейских странах одними из главных факторов, способствовавших их происхождению:

²³ Annika Hviithamar, «Nationalism and Civil Religion: What is the Difference?», in *Holy Nations and Global Identities. Civil Religion, Nationalism, and Globalisation* (Annika Hviithamar, Margit Warburg, and Brian Arly Jacobsen, eds.), Brill, 2009, p. 104.

²⁴ Adrian Hastings, *The Construction of Nationhood. Ethnicity, Religion and Nationalism*, Cambridge: Cambridge University Press, 1997, p. 1.

Библия ... предлагала сам Израиль в качестве разработанной модели того, что такое нация, – это единство народа, языка, религии, территории и правительства. Возможно, это был почти ужасающе монолитный идеал, самая продуктивная из когда-либо существовавших опасных фантазий, но именно он был для читателей Библии очевидным образом того, какой должна быть нация, был зеркалом для воображаемого образа своей нации²⁵.

Итак, по крайней мере для христианского мира исходная модель нации была взята из Библии, и можно утверждать, что без христианской интерпретации и имплементации этой модели нации и национализм никогда бы не существовали в том виде, в каком они известны сегодня. Более того, именно христианство как «высшая» форма религии стала оправданием доминирования западных национальных государств в эпоху модерности²⁶.

Лия Гринфельд также исследовала историю национализма прежде всего на примере Англии как его прототипа и утверждала, что «рождение английской нации было рождением не нации, но наций, рождением национализма»²⁷. По ее мнению, главный вклад протестантизма в его английском варианте заключался в том, что он был религией Книги. Именно в Ветхом Завете

присутствовал пример избранного божьего народа, который был элитой и светом миру, потому что каждый из его членов участвовал в завете с Богом. Это послание не было утрачено в Англии, и неудивительно, что в годы великого подъема оно позволило англичанам ... поверить в себя как во второй Израиль. ... Ветхий Завет дал им язык, которым они могли выразить новое сознание национальности, для которого языка раньше не было²⁸.

Впоследствии эта идея повторилась в истории многих народов, которые восприняли мифы о мессианской и этнической избранности, подтверждаемой линейными ветхозаветными этническими историями²⁹.

²⁵ Ibid, p. 18.

²⁶ См. ibid, p. 4.

²⁷ Liah Greenfeld, *Nationalism: Five Roads to Modernity*, Harvard University Press, 1992, p. 23.

²⁸ Ibid., p. 52.

²⁹ См.: Энтони Смит, *Национализм и модернизм*, с. 263.

На рубеже XIX – XX веков модернистский подход к национализму все в большей степени стал объектом критики, главным образом за его очевидный западоцентризм, переоценку теории секуляризации и соответствующую недооценку роли религии в развитии наций в прошлом и особенно в настоящем, когда ее активная роль в политических и социально-культурных процессах стала особенно заметной. Модернистские теории строились на убеждении в том, что национализм возник в результате упадка религии. Однако в результате критики этого подхода многие авторы пришли к выводу, что ранние формы национализма возникли отнюдь не в обстановке упадка, но, наоборот, во время интенсивного развития религии; следовательно, национализм можно считать продуктом религии даже в большей степени, нежели секуляризма³⁰. Очевидно, теперь речь пошла уже не только о христианстве.

По этому поводу Роджерс Брубейкер отметил, что теория секуляризации применительно к исследованию национализма привела к выпадению из поля зрения ученых многих продуктивных направлений взаимосвязи национализма и религии³¹ и выделил четыре возможные аналитические стратегии в ее изучении:

Первый путь – это рассмотрение религии и национализма, а также этничности и расы в качестве аналогичных феноменов. Второй – это определение направлений, на которых религия помогает объяснять вещи, связанные с национализмом, – его происхождение, его силу и определенный характер в конкретных случаях. Третий – оценка религии как части национализма и определение способов их взаимопроникновения и взаимосвязи. Четвертый – представление специфически религиозной формы национализма³².

Наибольший интерес в связи с темой этой статьи представляет вторая стратегия, по поводу которой Брубейкер отмечает, что она может развиваться в двух направлениях: как исследование отдельных кейсов, связанных с влиянием конкретной религиозной

³⁰ См.: Philip S. Gorski, *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*, Chicago, IL: University of Chicago Press, 2003.

³¹ Rogers Brubaker, «Religion and Nationalism: Four Approaches», in *Nations and Nationalism*, 2012, 18 (1), p. 15. DOI: 10.1111/j.1469-8129.2011.00486.x. См. также: *Religion and Nationalism in Global Perspective* (J. Christopher Soper, Joel S. Fetzer, eds.), Cambridge University Press, 2018.

³² Rogers Brubaker, «Religion and Nationalism: Four Approaches», p. 3

традиции на определенные формы национализма в той или иной стране, и как анализ роли религиозных символов и нарративов для конструирования национализма (например, темы «избранного народа» и др.)³³, поскольку подобные религиозные мотивы и символы являются богатыми культурными источниками, образующими собой краеугольные камни национализма³⁴.

Как отмечает Брубейкер, применительно к истории христианского мира процесс формирования национальных государств, активизировавшийся в результате Реформации и Вестфальского мира, был связан с формированием новых типов политических сообществ, в которых был использован «эгалитарный потенциал, присущий представлению о священстве всех верующих и индивидуализму, с акцентом на прямое изучение Писания и на прямые, непосредственные отношения между индивидами и Богом»³⁵. Кроме того, Реформация была связана с процессом «конфессионализации», в результате которой возникли «три определенные в доктринальном, литургическом и организационном смысле “конфессии” (католицизм, лютеранство и кальвинизм)»³⁶. Конфессионализация привела к слиянию религии и политики в виде возникновения территориальных церквей, которые в большей или меньшей степени подчинялись светскому политическому контролю³⁷. В ходе формирования наций и национализма постоянно происходило взаимовлияние националистического и религиозного дискурса, в результате чего не только национализм впитывал и использовал религиозную (или квазирелигиозную) символику, но и христианские конфессии трансформировались в организационном и догматическом смысле под влиянием конкретных социально-культурных особенностей национальных государств. Таким образом, история западноевропейского и американского национализма демонстрирует его фундаментальную связь с христианскими конфессиями, существовавшими на той или иной территории.

³³ Ibid., p. 6.

³⁴ См.: Anthony D. Smith, «The Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic», Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008.

³⁵ Rogers Brubaker, «Religion and Nationalism: Four Approaches», p. 7.

³⁶ Philip S. Gorski, «Historicizing the Secularization Debate: Church, State and Society in Late Medieval and Early Modern Europe, ca. 1300 to 1700», in *American Sociological Review*, 2000, 65 (1), p. 152.

³⁷ См.: Rogers Brubaker, «Religion and Nationalism: Four Approaches», p. 7.

Адриан Гастингс по этому поводу сделал следующий важный вывод: «Как для нации, так и для национализма характерно то, что они суть христианские феномены, и где бы они ни появлялись, это происходило в процессе вестернизации и подражания христианскому миру, даже если это было больше подражание Западу, чем христианству»³⁸. Исторически взаимовлияние и взаимопроникновение национализма и христианства происходило в конкретных социально-культурных контекстах, которые могли значительно отличаться друг от друга. Для адекватной оценки влияния христианства на конкретную форму национализма, по мысли Гастингса, нужно учитывать следующие обстоятельства: 1) роль, которую играло христианство в начальный момент национальной истории; 2) особенности мифологизации и коммеморации угроз, с которыми сталкивалась национальная идентичность в ходе истории; 3) авторитет и роль священнослужителей в обществе; 4) степень распространения и влияния национальной литературы; 5) формирование идеи нации под воздействием библейской модели; 6) наличие автокефальной национальной церкви; 7) убеждение в уникальности и сакральности национальной судьбы³⁹.

Гастингс также задается вопросом о том, как совмещается космополитический характер христианского провозвестия («Итак, идите, научите все народы», Мф 28:19) и его национальные формы, и отвечает на него так: христианство с самого начала было религией, существовавшей в переводе на разные языки, но сам факт перевода не отменял сакральности содержания. Единство христианской веры превосходило разнообразие народов, обычаев и языков и потому допускало их как само собой разумеющийся факт, не разрушавший это первоначальное единство⁴⁰. В то же время огромную роль играла упомянутая выше идея «избранного народа», содержащаяся в Ветхом Завете, которым одновременно были

³⁸ Adrian Hastings, *The Construction of Nationhood. Ethnicity, Religion and Nationalism*, p. 186.

³⁹ *Ibid.*, pp. 187-88.

⁴⁰ «Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились Парфяне, и Мидяне, и Еламнты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Азии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?» (Деян 2:8-11).

христианская церковь как «новый Израиль» и каждый отдельный народ, ощущавший свою миссию как заданную Богом:

Раз христианская история была сконструирована для [этой] нации от крещения первого царя до великих избавлений [от бед], истории веры народа и божественного провидения, раз Библия излагается на собственном языке [народа], будучи исключительно злободневной, раз собственная церковь полностью независима от какой-либо другой и полностью отождествлена с нацией, тем легче оказывается сделать последний шаг и объявить себя избранным народом, святой нацией, имеющей какую-то особую божественную миссию. Ветхий Завет обеспечил эту парадигму. Нация за нацией применяла ее к себе, укрепляя в этом процессе свою идентичность⁴¹.

По мысли Гастингса, с исторической точки зрения одной из главных причин возникновения национализма было наличие у государства «собственной» автономной церкви, что стимулировало стремление соединить ветхозаветный выбор Богом народа Израиля и Моисея как идеального лидера народа с новозаветным образом единой церкви и единого народа. При этом формирование наций и национализм никак не были связаны с модерностью, поскольку оно имело место там, где религия не только не уступала секулярному миру, но, наоборот, занимала наиболее сильную социальную позицию⁴². Естественно, выводы Гастингса относятся в первую очередь к западному христианству.

Итак, в анализе взаимосвязи национализма и религии в последние десятилетия сформировалось направление, основной исследовательский интерес которого сосредоточен не на формулировании общей теории, а на изучении этой взаимосвязи в конкретном историческом и социально-культурном контексте⁴³. В качестве

⁴¹ Adrian Hastings, *The Construction of Nationhood. Ethnicity, Religion and Nationalism*, p. 196.

⁴² *Ibid.*, p. 205.

⁴³ См., например: Barbara-Ann J. Rieffer, «Religion and Nationalism: Understanding the Consequences of a Complex Relationship», in *Ethnicities*, 2003, 3 (2), doi:10.1177/1468796803003002003 (рассматриваются примеры Ирландии, Великобритании, Ирана, Ирака, Югославии, России, Польши, Индии и др.); Philip W. Barker, *Religious Nationalism in Modern Europe. If God be for us*. Routledge, 2009 (рассматривается Ирландия, Англия, Польша, Греция); Atalia Omer, Jason A. Springs, *Religious Nationalism: A Reference Handbook*, ABC-CLIO, 2013 (рассматривается ситу-

примера стоит упомянуть такое явление, как «христианский национализм» в разных странах и в особенности в США, к исследованию которого в последнее время обращается все большее число авторов⁴⁴.

Исторические корни христианского национализма восходят к началу возникновения американского государства⁴⁵. В современных США под ним подразумевается идеология, строящаяся на установлении символической границы между ее приверженцами и всеми прочими людьми и пролегающая по линии христианской (преимущественно протестантской) религиозной идентичности, расовой (исключительно «белой») принадлежности, происхождения (рождения в США), гражданства (США) и политических предпочтений (консерватизма)⁴⁶. Христианский национализм строится на убеждении в том, что США всегда были и остаются христианской нацией в смысле самоидентичности, интерпретации своей истории, смысла символов, ценностей и политических предпочтений. Это нация воспринимается как созданная и поддерживаемая Богом, возвышающаяся вследствие этого над всеми другими нациями в мире и имеющая божественную санкцию на непогрешимость в любых своих действиях, в том числе насильственных. Эндрю Уайтхед и Сэмюел Перри приводят следующие статистические данные: в 2017 г. 26% американцев были согласны с тем, что США являются

ация в Северной Ирландии, Испании, Франции, Сербии, США); J. Christopher Soper, Joel S. Fetzer, *Religion and Nationalism in Global Perspective*, Cambridge University Press, 2018 (рассматривается ситуация в США, Израиле, Греции, Малайзии, Уругвае и Индии); Steven Grosby, «Nationality and religion», in *Nations & Nationalism*, 2018, 24 (2). Doi: 10.1111/nana.12365; Bonikowski, Bart, Daphne Halikiopoulou, Eric Kaufmann, and Matthijs Rooduijn, «Populism and Nationalism in a Comparative Perspective: A Scholarly Exchange», in *Nations and Nationalism*, 2019, 25 (1). Doi: 10.1111/nana.12480

⁴⁴ См.: Stephen Prothero, *The American Bible: How Our Words Unite, Divide, and Define a Nation*, Harper Collins, 2012; Philip S. Gorski, *American Covenant: A History of Civil Religion from the Pilgrims to the Present*, Princeton University Press, 2017; Damon T. Berry, *Blood & Faith: Christianity in American White Nationalism*, Syracuse University Press, 2017; Andrew Seidel, *The Founding Myth: Why Christian Nationalism is Un-American*, Sterling Publishing Company, 2019; Andrew L. Whitehead, Samuel L. Perry, *Taking America Back for God*, Oxford University Press, 2020.

⁴⁵ См.: Sam Haselby, *The Origins of American Religious Nationalism*, Oxford University Press, 2015.

⁴⁶ См.: Andrew L. Whitehead, Samuel L. Perry, *Taking America Back for God*, p. ix.

христианской нацией; 32% считали, что эту характеристику можно отнести лишь к прошлому; 20% полагали, что США никогда не были христианской нацией; наконец, 21% не имели определенного мнения на этот счет⁴⁷. Важно подчеркнуть, что влияние христианского национализма определяется количеством не только его сторонников, но и противников, поскольку последние так или иначе оказываются вовлеченными в его дискурс.

Как полагает Филип Горски, христианский национализм рассматривает Божьи предначертания для США по аналогии с заветами, данными ветхозаветному Израилю, тем самым интерпретируя Библию буквально и полагая, что эти заветы следует насаждать силой⁴⁸. Кроме того, приверженцы христианского национализма рассматривают свою миссию в апокалиптическом смысле, парадоксальным образом объединяя представление о США как о сакральном Божьем народе, который тем не менее ожидает неопределенное и угрожающее будущее вследствие размывания традиционной американской христианской идентичности⁴⁹. В частности, христианский национализм отличается приверженностью к специфическому социетальному порядку, в котором установлены четкие границы между соотечественниками и иностранцами, белыми и цветными, мужчинами и женщинами, гетеросексуалами и сексуальными меньшинствами. Особый акцент на поддержании традиционных семейных и сексуальных отношений показывает, что христианский национализм стремится к установлению одобряемого им порядка не только в публичной, но и в частной сфере, тем более что все проблемы, связанные с этими отношениями, в современном американском обществе являются предметом острых дискуссий⁵⁰.

Исследователи отмечают, что «христианство» христианского национализма имеет особую природу в том смысле, что он строится в первую очередь не на богословских, а на этнических и политических основаниях. Христианский национализм нельзя отождествлять с какими-то конкретными христианскими деноминациями,

⁴⁷ Ibid., p. 6.

⁴⁸ См.: Philip S. Gorski, *American Covenant: A History of Civil Religion from the Pilgrims to the Present*.

⁴⁹ См.: Andrew L. Whitehead, Samuel L. Perry, *Taking America Back for God*, p. 152.

⁵⁰ См.: ibid., p. 148.

существующими в США, в частности, с «белым консервативным протестантизмом» и евангеликализмом; кроме того, не всякий «белый» расизм идентифицирует себя именно с христианством⁵¹. Уайтхед и Перри утверждают, что приверженность христианскому национализму отличается от приверженности собственно христианству в том смысле, что христианский национализм часто влияет на мнения и поведение американцев прямо противоположным образом. Так, «обычные» христиане, в том числе придерживающиеся консервативных убеждений, в большей степени склонны проявлять толерантность в расовых, этнических и гендерных вопросах⁵².

Также христианский национализм не тождественен «гражданской религии» Роберта Беллы, поскольку последняя не подразумевает какую-либо конфессиональную идентификацию, но строится на влиятельных символах национальной солидарности, которые придают политической жизни религиозное измерение. Кроме того, по мысли Беллы, гражданская религия является интегрирующим фактором в американском обществе, объединяющим людей разных конфессий посредством набора верований, символов и ритуалов, имеющих одинаковую ценность для всех⁵³. Наоборот, христианский национализм строится на разделении, то есть на нативизме, превосходстве белой расы, патриархальности и гетеросексуальной нормативности, а также на божественном санкционировании авторитаризма и милитаризма⁵⁴. В свою очередь, люди, религиозные в общепринятом смысле, в меньшей степени склонны одобрять границы между людьми, установленные по расовому, этническому, гендерному и религиозному признаку, и признавать привилегии, связанные с использованием христианского языка и символов⁵⁵. По словам Горски, христианский национализм – «это политическое идолопоклонство, одетое в религиозную ортодоксию»⁵⁶.

Роджерс Брубейкер называет христианский национализм «христианизмом» (*Christianism*), имея в виду приверженность идее о

⁵¹ См.: Damon T. Berry, *Blood & Faith: Christianity in American White Nationalism*.

⁵² См.: Andrew L. Whitehead, Samuel L. Perry, *Taking America Back for God*, p. 154.

⁵³ См.: Robert Bellah, *Civil Religion in America*, p. 4.

⁵⁴ См.: Andrew L. Whitehead, Samuel L. Perry, *Taking America Back for God*, p. 10.

⁵⁵ См.: *ibid.*, p. 84.

⁵⁶ Philip S. Gorski, *American Covenant: A History of Civil Religion from the Pilgrims to the Present*, p. 3.

тождестве американской политической и гражданской жизни и крайне фундаменталистской интерпретации христианства, и подчеркивает, что «христианство, к которому взывают национальные популисты... – это не действительное христианство, а “секуляризированное христианство-как-культура ... цивилизационное и идентитарное христианство”. Оно является результатом принадлежности (*belonging*), а не веры (*believing*), способом определения “нас” в отличие от “них”»⁵⁷. В целом христианский национализм направлен против любых изменений в пользу прав ранее депривированных социальных групп – гендерных, расовых, этнических, сексуальных и религиозных меньшинств – и в этом смысле представляет собой угрозу современному плюралистическому демократическому обществу⁵⁸.

Как христианство, так и национализм представляют собой чрезвычайно сложные и многосоставные явления. Их взаимосвязь можно анализировать множеством различных способов, и вряд ли можно создать единую теоретическую модель, которая могла бы адекватно ее объяснить. Попытки типологизировать эту взаимосвязь неизбежно упираются в то, что христианство существует во множестве исторических и доктринальных вариантов, а происхождение наций и национализма можно относить к разным историческим эпохам в зависимости от выбранных критериев; соответственно, союз христианства и национализма может выступать в самых разнообразных сочетаниях. Кроме того, вряд ли сегодня можно утверждать, что существует четкая граница между религиозной предмодерностью и секулярной модерностью, с которой часто связывают возникновение национализма.

Еще одним важным фактором, затрудняющим исследование взаимосвязи христианства и национализма, является наличие довольно жестких границ между такими академическими дисциплинами, как религиоведение (*Religious Studies*) и политическая наука (*Political Science*). Как правило, каждая из них занимается исследованиями христианства и национализма как по отдельности, так и с учетом их взаимного влияния, используя свои собственные понятия, методы

⁵⁷ Rogers Brubaker, «Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective», in *Ethnic and Racial Studies*, 2017, 40 (8), p. 1199.

⁵⁸ См.: Andrew L. Whitehead, Samuel L. Perry, *Taking America Back for God*, p. 161.

и концептуальные подходы, но при этом далеко не всегда учитывая результаты друг друга, не говоря уже об определенном недоверии к междисциплинарным исследованиям, существующим в западной академической среде. По этому поводу Анника Витамар пишет: изучение литературы о национализме

показывает, что использование слова «религиозный» редко ставится под сомнение. Смысл таких понятий, как «священное», вопросы, касающиеся различия между религией как религиозной конфессией и религией как религиозным национализмом, а также продолжающееся сосуществование традиционных (и нетрадиционных) конфессиональных религий и национализма – все это темы, освещение которых в исследованиях национализма отстало от уровня сегодняшнего дня⁵⁹.

Вероятно, более или менее адекватный способ анализа взаимосвязи христианства и национализма заключается в отказе от претензий на обобщение в пользу исследования случаев их взаимообусловленности в рамках конкретного историко-культурного контекста, тем более что процесс образования наций и национальных государств в его связи с той или иной формой христианства отнюдь не завершен, о чем сегодня свидетельствует опыт постсоветских стран, в частности, России, Украины, Болгарии, Румынии, Сербии, Черногории и Польши. Ситуация в этих странах часто чревата серьезными противоречиями и конфликтами, связанными с переплетением национальной идеологии и традиций местных христианских церквей. Это взаимное влияние настоятельно требует дальнейшего исследования.

В заключение хотелось бы обратить внимание на проблему, связанную со своеобразием интерпретации универсального и космополитического характера христианского послания в ходе формирования национализма. Эрик Хобсбаум в свое время заметил, что «мировые религии, возникшие между VI веком до н. э. и VII веком н. э., по определению универсальны, а потому должны стирать этнические, языковые, политические и прочие различия»⁶⁰, тем не менее история знает множество совершенно противоположных примеров. Выше уже упоминалась точка зрения историка Адриана Гастингса по этому поводу, согласно которой универсализм в

⁵⁹ Annika Hvithamar, «Nationalism and Civil Religion: What is the Difference?», p. 107.

⁶⁰ Эрик Хобсбаум, *Нации и национализм после 1780 года*, с. 110.

процессе формирования наций часто был интерпретирован либо в духе ветхозаветной идеи «избранного народа» и его всемирной миссии, либо в смысле приписывания национальной церкви качества единственно подлинной и, следовательно, воплощающей в себе универсализм христианского послания. Со своей стороны богослов Рейнхольд Нибуэр высказался по поводу судьбы христианского универсализма в национализме следующим образом:

Претензия нации на уникальность ... вступает в острый конфликт с широко распространенным впечатлением, согласно которому нация является инкарнацией универсальных ценностей. В воображении обычного патриота нация – это не общество, но Общество. Хотя его ценности относительны, с наивной точки зрения они кажутся абсолютными ... Нация всегда окружена аурой сакрального, что является одной из причин того, что религии, претендующие на универсальность, оказываются так легко захваченными и укрощенными слившимися вместе национальными чувствами, религией и патриотизмом⁶¹.

Парадоксальный союз христианства и национализма во всем его многообразии, безусловно, является необозримым полем для исследования и рефлексии. Является ли наличие «собственной» христианской конфессии достаточным условием для связи христианства и национализма? Какие еще факторы влияют на эту связь? Почему одни католические страны являются более националистическими, чем другие, и как это связано с наднациональным характером католичества? Каковы конкретные культурно-исторические особенности связи национализма и автокефальных православных церквей? Какое влияние на национализм оказывают современные харизматические направления в христианстве? Какое воздействие на националистическую идеологию оказывает тот факт, что в современном мире христианские конфессии существуют в рамках секулярного общества? Поиск ответов на эти и многие другие, безусловно, поможет нам лучше понимать мир, в котором мы живем.

⁶¹ Reinhold Niebuhr, *Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics*, Westminster John Knox Press, 2001, pp. 96-97.